

С. А. ЛЕВИЦКИЙ

Силуэты русских мыслителей. М. А. Бакунин (1814–1876)

Михаил Александрович Бакунин был, безусловно, самой яркой, хотя наименее типичной и наименее популярной фигурой русского западничества. Даже слово «западник» звучит здесь какой-то иронией, ибо он был воплощением широкой русской природы, русского бунтарства. Психологически говоря, он был руссеем из русских, но в плане социально-политическом его приходится отнести к западникам.

Вся жизнь его, как и натура, была исполнена противоречий. Он родился в настоящем «дворянском гнезде», был высококультурным русским баринем, пережил период экзальтированной религиозности, но кончил свою жизнь в швейцарской больнице для чернорабочих; в жертву делу всемирной революции он принес и личную популярность и свой несомненный философский дар.

В ранней молодости, еще будучи офицером, он прошел через увлечение немецкой идеалистической философией, сначала — Фихте, затем — Гегелем. Его первые философские опыты преисполнены огненным этическим пафосом и своеобразной религиозностью, конечно, абсолютно внецерковной. *«Цель жизни — Бог, но не тот Бог, которому молятся в церквях... но тот, который живет в человечестве...»* — писал он в период своего увлечения Фихте. И нужно сказать, что Фихте вряд ли одобрил бы такое толкование своего учения. Но для Бакунина Фихте был только трамплином для скачков его собственной мысли. И далее: *«Человечество есть Бог, вложенный в материю»*.

Бакунин верит, точнее, хочет верить в Бога, но Бог для него заключен в человечестве. Поэтому он скоро приходит к религии божественного человечества, подобно Фейербаху и Контю, но с неизмеримо

большим пафосом. «Друзья мои, — пишет он в письме, — земля уже не есть наше отечество, счастье наше — небесное... религия наша — бесконечна... все освящается ею, все должно проявлять бесконечное приближение божественного человечества к божественной цели...»

От увлечения Фихте Бакунин вскоре переходит к увлечению Гегелем. Гегелевский пафос абсолютности и непогрешимости еще больше соответствовал его натуре. Ему казалось тогда, что он обрел абсолютную истину. «Мое личное “я”... обрело абсолют... — писал он, — моя жизнь... отождествилась с абсолютной жизнью». И здесь мессианско-трагическое мироощущение не оставило Бакунина. Он понимал, что история есть процесс трагический, что жизнь полна противоречий и ужасов, но, с высоты своего причастия Абсолюту, он благословлял эти ужасы. «Жизнь полна ужасных противоречий, — писал тогда он, — но она прекрасна, полна мистического, святого значения...». И в своих письмах он не устает говорить о «святой необходимости», которая господствует в мире. Кстати сказать, это был именно Бакунин, который внушил тогда Белинскому мысль о «святой необходимости», оправдывающей даже самые темные периоды истории, и Белинский под влиянием Бакунина написал свою знаменитую статью «Бородинская годовщина», где он оправдывал реакцию Николая Первого.

В начале 40-х годов Бакунин уезжает за границу, в Берлин, и сблизается там с представителями гегелевской «левой», главным образом с Руге. Как известно, левый лагерь гегелианцев делал из философии своего учителя революционные выводы. Бакунин, который, по его позднему признанию, всегда «искал Бога в революции», склонился под влиянием Руге к такому не ортодоксальному пониманию учения Гегеля. Если в начале своего увлечения Гегелем он придавал главное значение синтезу, то теперь он начинает считать синтез только заданием, подчеркивает момент отрицания, «антитезиса»*. Но отрицание на практике означает разрушение, и Бакунин находит, таким образом, философское оправдание заложенному в его натуре бунтарству. В 1842 году он пишет на шумевшую статью «Реакция в Германии», под псевдонимом Жюль Элизар, где он впервые высказывает свое новое, «отрицательное» кредо и где, между прочим, содержится облетевшая весь мир фраза: «Радость разрушения есть творческая радость».

Отныне Бакунин преисполняется мистикой отрицания и борьбы. Он порывает со своим русским подданством и не возвращается

* Опять-таки, это «левое» истолкование Гегеля оказало решающее влияние на позднейшую эволюцию взглядов Белинского. — С. Л.

на родину, стремясь посвятить свои силы борьбе за освобождение человечества. Под влиянием Прудона он приходит к идее безгосударственного социализма, идею, которую он впоследствии самостоятельно разработал далее, доведя ее до крайностей, и дал ей новое имя «анархизм». Впрочем, и тогда, в конце 40-х годов, Бакунин уже был анархистом по инстинкту.

Его душа охвачена теперь жаждой разрушения старого мира, и прежде всего — оков государственности. Так как наиболее государственным и, следовательно, реакционным народом он считал немцев, а наиболее свободолюбивым — славян, то первым этапом на пути освобождения для него становится задача разрушения немецкого владычества над славянами, после которой должна последовать всеславянская федерация. Нужно подчеркнуть, что идея всеславянской федерации носит у Бакунина сугубо неимпериалистический характер и что эти мечты Бакунина испугали не столько немцев, сколько русское правительство.

«Боже, избави нас от всякого жалкого миролюбия», — пишет в эти годы Бакунин и скоро доказывает свою воинственность на деле. Он принял деятельное участие в первом всеславянском съезде в Праге — съезде, который вылился 12 июня 1848 года в открытую революцию против Габсбургов. Бакунин стал одним из главных вождей этой революции, «баррикадным генералом». Когда революция была подавлена войсками Виндишгреца, Бакунин успел убежать в Германию. Однако там в мае 1849 года вспыхнуло восстание в Дрездене. Бакунин, волей судеб очутившийся тогда именно там, принял активное участие и в этом восстании, окончившемся также неудачно. На этот раз ему не удалось скрыться: он был арестован немецкими властями и, как опаснейший революционер, приговорен к смерти, замененной двадцатилетней каторгой. Вскоре, однако, прусское правительство выдает его австрийскому, так как надо было отвечать за участие в пражском восстании. Там его, между прочим, приковывают к стене. Император Николай мечтал, однако, сам заполучить Бакунина, и в 1851 году австрийское правительство передает его царской полиции. В России Бакунина заключают сначала в Петропавловскую, затем в Шлиссельбургскую крепость и наконец, после восьмилетнего заточения в казематах, высылают в Сибирь. Между прочим, Бакунин впоследствии говорил, что тюремный режим в России был гораздо мягче австрийского или прусского режима. Измученный долголетним сидением в тюрьме, он пишет в Петропавловской крепости покаянную («Исповедь»), где кается в своих грехах и заблуждениях. Но, конечно, это покаяние было лишь тактическим ходом или уступкой слабости природы. Из Сибири в 1861 году Бакунину удается

бежать через Японию и Америку в Англию, где он является к Герцену. Однако он вскоре оказался слишком радикальным для Герцена, который хотя и не рвал с Бакуниным, но предпочитал держать его подальше. В 1863 году Бакунин, с группой русских добровольцев, принимает участие в польском восстании, конечно, на стороне поляков. Но предприятие его заканчивается полной неудачей, и ему еле удается спастись. В течение 60-х годов Бакунин разрабатывает свое анархическое учение, а также принимает деятельное участие в организации революционного движения.

За эти годы, под влиянием тяжелых испытаний, в Бакунине происходит новый переворот. Если раньше он был по-своему религиозен, то теперь он становится полным атеистом. Еще в начале 60-х годов он писал о необходимости *«посюстороннего осуществления того, что составляет сущность христианства»*, то есть он мечтал подвести христианскую базу под дело революции. Впоследствии же он приходит к более радикальному атеизму, чем атеизм Фейербаха. По мнению Бакунина, Бог не только не существует, но и не должен быть. Вот его аргументация: *«Если Бог существует, то у человека нет свободы, он — раб; но если человек может и должен быть свободен, то, значит, Бога нет»*. То есть он видит непримиримое противоречие между человеческой свободой и Божиим всемогуществом и решает эту антиномию в пользу человеческой свободы. Масарик остроумно назвал аргументацию Бакунина «онтологическим доказательством атеизма». Между прочим, Достоевский вложил эту аргументацию в измененном и углубленном виде в уста одного из героев романа «Бесы» — Кириллова. «Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет Бога, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие».

Образ Бакунина нашел свое отражение в двух больших созданиях русской литературы: в «Рудине» Тургенева и «Бесах» Достоевского. Но хотя некоторые черты Бакунина («нетерпеливое красноречие») удачно были схвачены Тургеневым, образ Рудина слишком мягок для Бакунина, у которого слово не расходилось с делом. Другое воплощение Бакунина — это Ставрогин. Правда, новейшие исследователи отрицают, что Бакунин был прообразом Ставрогина, находя, что роль этого прообраза играл друг молодости Достоевского петрашевец Спешнев; в пользу этой гипотезы существуют весьма серьезные аргументы. Однако если это и так, то некоторые черты Бакунина все же отражены в Ставрогине.

Но вернемся к учению Бакунина, которое было неразрывно связано с его жизнью. Даже в старости Бакунин не потерял своего энтузиазма. Он становится теперь пророком демократии, которая

для него — мост к анархизму. *«Мы накануне великого переворота... — воскликнул он, — всемирного исторического переворота. Он будет носить не политический, а принципиальный, религиозный характер... Речь идет не меньше чем о новой религии, о религии демократии... ибо не в отдельном лице, а только в общении и присутствует Бог»*. И далее: *«Торжество демократии будет не количественным изменением — подобное расширение привело бы только ко всеобщему опошлению, — но к качественному преобразованию...»*

Характерно, что Бакунин славословит именно демократию, а не социализм. Свобода лица и дух свободного братства были для него главным содержанием демократического идеала. *Он был одержим идеей свободы, а не равенства*. Идея равенства была для него подчинена идее свободы. Поэтому он видел в социализме только временного союзника. В этом — глубочайший идеологический корень его расхождений с Карлом Марксом. Как известно, Бакунин и Маркс в течение нескольких лет вели упорную борьбу за первенство в возглавлении рабочего движения. В этой борьбе победил в конце концов Маркс, как больший реалист, лучший организатор и как человек, в духе своей аморальной доктрины не гнушавшийся никакими средствами. Большевики стараются теперь замолчать или затушевать тот факт, что Маркс пускал о Бакуanine слухи, якобы он был царским шпионом, и эти слухи сыграли свою роль в подрыве авторитета Бакунина.

Бакунин же, в свою очередь, предвидел, что победа марксизма приведет к величайшему порабощению того же рабочего класса. *«Самодержавный коммунизм»* был для него худшей формой тирании, чем даже столь ненавидимый им царизм.

Анархический идеал Бакунина, конечно, утопичен. Он понимал, что свобода без братства неосуществима, но он думал, что достаточно осуществить идеал безграничной свободы, чтобы братство воцарилось само собой. Вот как он определяет свой позднейший анархический идеал: *«Через анархию — к свободе, по принципу свободы — не сверху вниз, не от центра к окружности, а снизу вверх, от окружности к центру»*. Он был крайним идолопоклонником свободы и всю жизнь стремился деятельно осуществлять свой идеал.

Под конец жизни Бакунин, всегда живший в стесненных материальных обстоятельствах, очутился в крайней нужде. Он умер в больнице для чернорабочих в Берне, в Швейцарии. Перед смертью он пережил разочарование — если не в своем конечном идеале, то в перспективах освобождения человечества. Из его уст вырвались следующие горькие слова: *«Мы рассчитывали на массы, которые, однако, не захотели со страстью отнестись к делу своего собствен-*

ного освобождения, а за отсутствием этой народной страсти мы, при всей своей теоретической правоте, были бессильны».

Бакунин был прирожденный бунтарь, революционер, своей демагогией и несомненными организаторскими способностями заражавший окружающих. Он умел подымать на революционное дело, но не умел вести это дело. Префект парижской полиции сказал о нем: «В первый день революции это — клад, а на другой день его надо расстрелять».

Большевики, несмотря на вражду Бакунина к Марксу, пишут теперь о нем в смягченных тонах, пытаются даже оправдать вину Маркса.

Нет сомнения, что идеалы Бакунина, пусть идеалы еретические, все же дышали любовью к свободе. И потому весь его облик, несмотря на все его заблуждения, нравственно привлекательнее, чем образ Маркса.

За внешностью русского богатыря-помещика в нем жила душа Стеньки Разина. Бакунин — пример идолопоклонства и мученика идеи свободы.

